Амелия Рейн

Свет на станции

Амелия Рейн

Свет на станции

«Автор»
2026

Рейн А.

Свет на станции / А. Рейн — «Автор», 2026

В небольшом посёлке Бережки начальник железнодорожной станции Алина Морозова привыкла отвечать за людей, даже когда решение зависит не от неё. Знакомство с инженером Максимом Беловым постепенно превращается в чувство, которому оба не сразу решаются довериться.Но тревожные сведения о состоянии моста, ограничения движения и растущие трудности жителей ставят их перед непростым выбором. Когда Максим слишком поздно решается на важный личный разговор, Алине приходится понять, можно ли восстановить доверие, не отказываясь от собственных принципов.«Свет на станции» — история о любви без громких обещаний, цене молчания и мужестве говорить правду, даже если она не приносит немедленного решения.

© Рейн А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Свет в окнах 6
Глава 2. Предел видимого 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Свет на станции

СВЕТ НА СТАНЦИИ

Глава 1. Свет в окнах

Утром свет на станции включали раньше, чем он становился нужен. В сентябре это выглядело расточительством: за широкими окнами уже светлело, на мокрых досках платформы проступали длинные полосы, и только над путями ещё держалась сизая темнота. Но Алина знала, что первая лампа нужна не для освещения. Пока она горит, человек с тяжёлой сумкой у входа уверен: здесь его ждут.

Она задержалась у дверей кабинета, прислушиваясь к голосам в зале. Женщина спрашивала, успеет ли на пересадку; мужчина отвечал ей с той уверенностью, с какой обычно говорят о чужом времени. Алина не стала вмешиваться. Сначала надо было понять, кто из них знает расписание, а кто только надеется.

На столе лежала папка с записями предыдущей смены. Рядом — остывший чай, забытый ею ещё вчера. Она перелистнула две страницы и остановилась на карандашной помете, которую кто-то обвёл ручкой: «Уточнить время сообщения. Повторяется». Третья такая помета за последние недели.

— Нина Павловна, зайдите, пожалуйста.

Нина Журавлёва вошла без спешки, но и без привычного «сейчас». Она остановилась у стола и дождалась вопроса.

— Опять эта запись? — спросила она.

— Почему она карандашом?

— Сначала время не совпало. Я хотела сверить, потом переписать начисто.

— С чем сверить?

Нина положила на стол другую тетрадь и показала строчку. Сведения о небольшом нарушении привычного порядка приходили не всегда одинаково: иногда сообщение фиксировали сразу, иногда спустя несколько минут, когда уже разбирались с пассажирскими вопросами. По самой записи нельзя было понять причину. Можно было понять только, что такие случаи случались не впервые.

— Вчера просили убрать эту пометку из копии, — сказала Нина. — Чтобы не путать людей. Я не убрала.

— Кто просил?

— Не распоряжение. Просто разговор.

Алина провела пальцем по полю страницы. В маленьком посёлке просьба «не путать людей» редко была безобидной: за ней могло стоять желание помочь, а могло — нежелание отвечать на вопрос. Но и из трёх пометок нельзя было делать вывод, которого они не подтверждали.

— Не переписывайте задним числом, — сказала она. — Если уточним, добавим уточнение отдельно. Оставим, как было.

Нина кивнула и не ушла.

— На платформе опять спрашивают, почему иногда приходится ждать дольше, чем обещали.

— А мы обещали?

— Не мы. Люди друг другу обещают. Потом приходят к нам.

Алина усмехнулась, но улыбка вышла короткой. Когда-то ей казалось, что работа начальника станции состоит в решениях. Теперь чаще приходилось защищать границу между тем, что можно объяснить, и тем, чего пока не знаешь. Эта граница не нравилась никому — особенно тем, кто опаздывал на работу или к врачу.

***

В зале ожидания женщина в сером плаще держала перед собой телефон, будто тот мог подтвердить её правоту.

— Мне сказали, что всё как обычно, — говорила она. — Я специально вышла раньше. Если опять не успею, меня там никто ждать не будет.

Алина попросила показать, на какое сообщение женщина ссылается. Оказалось, это был пересланный соседкой снимок старого объявления. Дата на снимке обрезалась.

— Вот действующая информация, — Алина указала на стенд и объяснила, что известно на текущий момент. — А если порядок изменится, сообщим отдельно. Я не могу обещать вам то, чего не подтверждали.

— Вы всё время так говорите: «не могу обещать».

— Потому что вы на это обещание будете рассчитывать.

Женщина посмотрела на неё с раздражением, потом убрала телефон. От этого разговора ей не стало легче, и Алина не пыталась сделать вид, будто стало. Она записала вопрос, предложила уточнить доступные варианты пересадки и попросила дежурную помочь с текущей информацией. Это было меньше, чем пассажирка хотела, и больше, чем пустое «не волнуйтесь».

Когда дверь закрылась, Нина тихо заметила:

— Она ведь не со зла.

— Я знаю.

— И вы тоже.

Алина посмотрела на неё. Нина умела произнести две короткие фразы так, что после них хотелось либо рассмеяться, либо выйти на воздух.

У Алины зазвонил телефон. Вопрос касался прибытия специалистов, которым предстояло работать с материалами по железнодорожному мосту за станцией. О подготовке обследования она знала заранее, но сейчас выяснялось, что представители группы уже в посёлке и рассчитывают обсудить исходные сведения сегодня. Никаких распоряжений о перемене движения не поступало. И всё же слово «мост» заставило её проверить, закрыта ли дверь кабинета.

Она помнила, как несколько лет назад после очередного разговора о «неперспективности» станции люди стали спрашивать, не сократят ли здесь всё до одного пустого здания. Тогда тоже не было решения — были только чужие формулировки, произнесённые достаточно громко. С тех пор Алина не любила, когда жизнь Бережков описывали одним абзацем издалека.

***

Мужчина, которого представили как Максима Белова, вошёл с папкой под мышкой и мокрыми от мелкого дождя плечами. Он не оглядывал кабинет с тем выражением, с каким приезжие иногда оценивали старую мебель и потрескавшуюся краску. Сначала спросил, удобно ли говорить сейчас, и только потом положил папку на свободный край стола.

— У нас есть перечень исходных сведений, — сказал он. — Часть относится к сооружению, часть — к условиям эксплуатации и наблюдениям на месте. Хотел бы понять, что у вас имеется и что можно запросить установленным порядком.

— Вы уже что-то обнаружили?

— Мы только начинаем работу.

— Обычно так отвечают, когда не хотят говорить.

Он не улыбнулся.

— Иногда так отвечают, когда ещё нечего утверждать.

Алина почувствовала, как внутри поднимается знакомое раздражение. Он приехал на несколько дней, может быть на недели, а ей после каждого его осторожного слова придётся объясняться с теми, кто здесь живёт. Она заставила себя не отвечать сразу.

— Тогда давайте точно, — сказала она. — Что вам нужно от станции? И какие работы будут мешать обычному порядку?

Максим открыл папку. Он не обещал, что помех не будет, но отделял согласование доступа от самого обследования, а рабочие вопросы — от решений, которые принимались не им. Некоторые пункты Алина могла помочь уточнить; другие следовало адресовать ответственным службам. Он это признавал без обиды, и ей пришлось признать, что перед ней не человек, который считает всякую местную осторожность глупостью.

— Я хочу видеть, где заканчивается запрос и начинается ваше предположение, — сказала она.

— Я тоже, — ответил Максим. — Иначе мы потом будем спорить о разных вещах.

Она посмотрела на него внимательнее. Глаза у него были усталые; на мокром рукаве темнела складка от ремня сумки. Ни холодности, ни особенной мягкости в лице не было. Просто он не торопился говорить лишнее.

— Здесь иногда считают, что если инженер приехал, значит, всё уже решено, — сказала Алина.

— Это неверно.

— Скажите это тем, кто ждёт поезд.

— Если возникнет вопрос в моей компетенции, скажу. Но не стану обещать за других.

Слово «компетенция» прозвучало сухо. И всё же она предпочла его бодрому заверению, что беспокоиться не о чем. Так хотя бы можно было разговаривать дальше.

***

К схеме на стене они подошли вместе с Ниной. На ней были обозначены станционные объекты и рабочие проходы; за окном в это время медленно шёл по платформе мужчина с хозяйственной сумкой, останавливаясь возле каждого окна, будто искал знакомое лицо.

— Вот здесь у нас чаще всего возникают вопросы по времени сообщений, — Алина указала на участок схемы, затем перевела взгляд на журнал. — Не о состоянии моста. О том, как информация доходит до смены и как её записывают.

Максим не потянулся сразу к тетради.

— Можно посмотреть те записи, которые относятся к запросу? Копии — по согласованному каналу. Мне важна последовательность, а не удобная общая цифра.

Нина насторожилась:

— Там есть исправления.

— Исправления тоже часть истории записи, — сказала Алина. — Если их можно объяснить.

— Лучше объяснить, чем стереть, — заметил Максим.

Ей не понравилось, что он повторил почти её утреннюю мысль. Сходство ещё ничего не значило; люди нередко говорили правильные вещи, когда им было выгодно. Но теперь она хотя бы знала, на чём его проверять.

Они уточнили, какие материалы уже существуют, кто вправе передавать копии и какие вопросы потребуют отдельного согласования. В одном месте Нина вспомнила, что запись сделана после телефонного разговора, но время разговора и время внесения записи могли различаться. Алина попросила отметить это как пояснение, не заменяя исходную строку. Максим записал вопрос в блокнот и не стал превращать его в вывод.

— И что вы скажете по итогам? — спросила Алина, когда Нина вышла.

— То, что удастся обосновать.

— Вы понимаете, как это звучит для нас?

— Понимаю, что вам нужен ясный ответ. Но ясность не всегда появляется в первый день.

Она отвела глаза к окну. У входа стояли двое школьников, пряча рюкзаки от дождя под козырьком. По ту сторону стекла станция выглядела почти домашней: жёлтый свет, чужие куртки на крючках, расписание, к которому подходили по нескольку раз. Но домашним это место не было. Ошибка здесь отзывалась не только ссорой, а пропущенной дорогой.

— Тогда договоримся о другом, — сказала она. — Все вопросы к нашим записям направляйте через меня или назначенного сотрудника. Если чего-то нет, так и скажем. Если сведения неудобные, это не причина их прятать.

Максим закрыл блокнот.

— Такой порядок мне подходит.

Их разговор не стал дружеским. Он лишь перестал быть борьбой за право произнести последнее слово.

***

К вечеру дождь закончился, но воздух оставался сырым. Алина вышла на платформу уже после того, как основные дневные вопросы были разобраны, и застала у стенда двух мужчин. Один спрашивал другого, правда ли мост собираются закрывать. Второй ссылался на знакомого, который видел незнакомую машину возле подъезда.

— Обследование действительно готовится, — сказала Алина, прежде чем слух успел обзавестись подробностями. — Решений об ограничении движения у нас нет. Если появится официальная информация, её доведут в установленном порядке.

— А вдруг вы узнаете последней?

Вопрос был неприятен именно потому, что в нём слышался не упрёк, а страх.

— Я не могу говорить за все службы, — ответила она. — Но могу отвечать за то, что мы сообщаем здесь. Не стану выдавать предположение за факт.

Мужчины ушли, не вполне довольные. Она проводила их взглядом и вспомнила женщину с обрезанным снимком объявления. В обоих разговорах люди искали опору, которой у неё пока не было.

В кабинете Нина оставила аккуратно собранные записи и короткую записку: «Уточнение приложено. Исходное не меняла». Алина прочла её дважды. Потом отправила согласованным рабочим способом перечень доступных материалов и вопросов, требующих отдельного ответа. Дальше с ними будут разбираться специалисты. Сегодня от неё требовалось не угадать их вывод, а не исказить начало работы.

Она уже собиралась домой, когда заметила, что в дальнем конце коридора погасла лампа. Можно было попросить кого-нибудь проверить утром. Можно было пройти самой. Алина взяла ключи и вышла из кабинета.

Пока она шла по пустому коридору, телефон коротко мигнул сообщением от Дениса: он спрашивал о вещи, оставшейся после развода, и предлагал забрать её в выходные. Она не ответила сразу. Не из обиды — просто не хотела впускать в этот вечер ещё один разговор, в котором от неё ожидали удобного решения. В выходные она разберётся с коробкой, которая уже полгода стояла в кладовке. Сегодня хватит станции.

Лампа зажглась не с первого щелчка. Она задержалась под ней, глядя, как свет постепенно выравнивается на стене. За окном темнела платформа; в стекле отражались её плечи, край подоконника и маленький прямоугольник расписания. На мгновение показалось, что здание пусто и можно не отвечать ни на один вопрос. Потом со стороны входа донёсся звук открываемой двери.

Алина вернулась к стойке. Кто-то пришёл уточнить завтрашнюю дорогу. Она выслушала, проверила доступные сведения и ответила ровно столько, сколько знала.

Уходя, она оставила свет в зале включённым. Не потому, что верила в неизменность расписания. Просто утром люди снова придут сюда — и им понадобится место, где вопросы не стирают вместе с неудобными строками.

Глава 2. Предел видимого

Утром Максим разложил на столе три листа и обнаружил, что каждый из них по-своему правдив. На схеме сооружения линия наблюдения шла ровно, в старой ведомости рядом с тем же участком стояла короткая отметка, а в присланных со станции записях значились даты, которые не укладывались в удобную последовательность. Ни один документ не утверждал, что мост неисправен. Но и считать их тремя подтверждениями одного факта было нельзя.

Он подвинул к окну схему. Стекло было мутным от дождя; за ним виднелась улица с невысокими домами и мокрыми листьями на обочине. Комнату в небольшом здании, где разместили рабочую группу, отвели под разбор материалов лишь на время обследования. Стол качался, если опереться на левый край. Максим подложил под ножку сложенную бумагу и только тогда открыл блокнот.

Вчера на станции Алина Морозова требовала отделять запрос от предположения. Требование было справедливым, хотя её тон сначала показался ему обвинительным. Теперь он видел, как легко и самому перепутать эти вещи. Запись о времени наблюдения не объясняла, кто её сделал и на основании какого сообщения; исправление в журнале имело помету, но не ссылку на первоисточник. Возможно, всё сводилось к разнице в порядке ведения записей. Возможно, часть сведений относилась не к тому периоду, который он предполагал. Сначала требовалось это выяснить.

Он провёл карандашом две колонки: «подтверждено» и «требует уточнения». В первой оказалось меньше строк, чем хотелось бы. Во второй пришлось дописать ещё два вопроса.

— Ты уже составил приговор? — спросил Илья Крылов, входя с мокрым чехлом для документов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.